

Лебон Гюстав

**Психологические законы
эволюции народов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г99

Г99 **Гюстав Л.**
Психологические законы эволюции народов / Лебон Гюстав – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 154 с.

ISBN 978-5-519-92737-6

ISBN 978-5-519-92737-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

Современныя идеи равенства и психологическіе факторы исторіи.

Цивилизація народа держится на сравнительно небольшой группѣ основныхъ идей. Изъ этихъ идей возникаютъ учрежденія даннаго народа, его литература и искусство. Развиваясь медленно, такія идеи также медленно и исчезаютъ. Сдѣлавшись уже издавна очевидными заблужденіями для умовъ развитыхъ, для толпы, для темной массы онѣ остаются неоспоримыми истинами и продолжаютъ дѣлать свое дѣло въ умахъ этой невѣжественной массы. Если вообще трудно внушить людямъ новую идею, то еще труднѣе вытѣснить и устранить старую. Человѣчество всегда безнадежно и съ какимъ-то отчаяніемъ хваталось за мертвыя идеи и поклонялось упраздненнымъ божествамъ.

Не болѣе, какъ полтора столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ философы, въ полномъ невѣдѣніи о первобытной исторіи чловѣка и не имѣя понятія о разнообразныхъ перемѣнахъ его духовнаго склада, не зная ничего о законахъ наследственности, пустило въ оборотъ идею всеобщаго равенства отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ расъ.

Заманчивая для невѣжественной толпы, идея эта крѣпко зашла въ ея мозгахъ и вскорѣ принесла свои плоды. Она поколебала устои стараго общества, породила чудовищнѣйшую

изъ революцій и ввергла народъ Западной Европы въ цѣлый рядъ жесточайшихъ судорогъ, конца которымъ невозможно предвидѣть и потомъ.

Несомѣнно, что нѣкоторыя изъ неравенствъ, которыя раздѣляютъ между собою индивидуумовъ и расы, были слишкомъ рѣзко бросающимися въ глаза для того, чтобы была возможность серьезно ихъ оспаривать, но люди вскорѣ легко убѣдились въ томъ, что такія неравенства были лишь слѣдствіями различій въ воспитаніи, что все люди рождаются одинаково разумными и добрыми, и что ихъ могли извратить только несовершенныя человѣческія учрежденія. Такимъ образомъ, средство помочь горю оказывалось очень простымъ: стоило только передѣлать существующія учрежденія и дать всѣмъ людямъ одинаковое образованіе — и дѣлу конецъ. Вслѣдствіе этого, въ концѣ концовъ, и учрежденія и образованіе стали какой-то всемогущей панацеей у всехъ современныхъ демократій, вѣрнымъ средствомъ къ устраненію неравенствъ, столь обидныхъ и столь унижающихъ, что безсмертные принципы, которые стали истинными божествами для современнаго человѣчества.

Конечно, болѣе подвинувшійся прогрессъ знаній доказалъ тщету и пустоту теорій всеобщаго равенства и указалъ на то, что умгвенная пропасть, созданная всѣмъ прошлымъ человѣчества между индивидуумами и расами, могла быть заполнена лишь крайне медленнымъ наслѣдственнымъ накопленіемъ духовныхъ богатствъ. Новѣйшая психологія, идущая рука объ руку съ уроками горькаго опыта, показала, что тѣ учрежденія и то воспитаніе, которыя оказываются полезными для однихъ индивидуумовъ и народовъ, могутъ быть совсѣмъ неподходящими и даже крайне вредными для другихъ индивидуумовъ и народовъ. Но не во власти философовъ уничтожить идеи, пущенныя въ міръ, хотя бы они признали эти идеи ошибочными и ложными. Подобно рѣкѣ, выступившей изъ береговъ, которую не можетъ сдержать никакая плотина, идея продолжаетъ свое разрушительное шествіе, и ничто не можетъ замедлить ея ходъ.

Эта призрачная идея,—химера о всеобщемъ равенствѣ людей; она перевернула весь міръ, вызвала въ Европѣ гигантскую революцію, втянула Америку въ кровавую междоусобную войну и привела всѣ французскія колоніи въ состояніе жалкаго упадка.

Врядъ ли найдется такой психологъ, или много путешествовавшій туристъ, или сколько-нибудь выдающійся государственный дѣятель, который бы не зналъ, насколько идея всеобщаго равенства ошибочна и несправедлива, а между тѣмъ... лишь очень немногіе стануть ее оспаривать.

Далеко еще не вступившая въ фазу упадка, идея равенства все продолжаетъ расти. Во имя этой идеи социализмъ, повидимому, угрожаетъ порабощеніемъ большинству народовъ Запада, возлагая на себя задачу обезпечить ихъ счастье. Во имя идеи всеобщаго равенства современная женщина, забывши о глубокомъ умственномъ различіи, отдѣляющемъ ее отъ мужчины, требуетъ одинаковыхъ съ нимъ правъ, одинаковаго съ нимъ образованія, что, въ случаѣ побѣды ея, приведетъ къ тому, что каждый мужчина Европы, въ концѣ концовъ, превратится въ кочевника, не имѣющаго ни домашняго очага, ни семьи.

Вызванные принципами равенства, политическіе и общественные перевороты и тѣ еще болѣе опасныя смуты, какія они могутъ породить въ будущемъ, не являются предметомъ заботы для народовъ, а политическая жизнь государственныхъ дѣятелей слишкомъ коротка, чтобы заботы эти были приняты ими на себя. Кромѣ того и общественное мнѣніе стало настолько властнымъ, что уже теперь невозможно съ нимъ не считаться.

Самой существенной мѣркой общественнаго значенія идеи является то вліяніе, какое она оказываетъ на умы. Та доля истины или заблужденія, какую въ себѣ идея содержитъ, можетъ представлять интересъ лишь съ философской точки зрѣнія. Лишь только какая-нибудь идея, истинная или ложная, проникла въ народныя массы и сроднилась съ ними, превратясь въ народное чувство, то всѣ вытекающія изъ нея по-

слѣдствіи должны объединиться въ обществѣ во всей ихъ постепенности.

. Современные мечты о равенствѣ стремятся къ осуществленію путемъ распространенія въ массахъ образованія и путемъ учреждений. Благодаря такимъ учрежденіямъ и преобразуя по своему несправедливые законы природы, мы стараемся отлить въ одну форму мозги негроновъ Мартиники, Гваделупы и Сенегала съ мозгами алжирскихъ арабовъ и азіатскихъ племенъ. Несомнѣнно, что это неосуществимая мечта, несбыточная химера, но только опытъ можетъ намъ показать опасность подобныхъ химеръ. Разумъ оказывался постоянно безсильнымъ въ дѣлѣ преобразования человѣческихъ убѣжденій.

Цѣль настоящаго труда описать тѣ психологическіе признаки, которые составляютъ душу различныхъ расъ, и показать, какимъ образомъ исторія какого-либо народа и его цивилизація могутъ исходить изъ этихъ признаковъ. Оставляя въ сторонѣ подробности и обращаясь къ разсмотрѣнію ихъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ окажутся необходимыми для подтвержденія указанныхъ принциповъ, мы разберемъ развитіе и умственный складъ историческихъ расъ, т.-е. расъ, искусственно возникшихъ и образовавшихся въ историческія времена, благодаря случайностямъ завоеваній, переселенію или политическимъ переворотамъ, и постараемся доказать, что именно изъ этого умств. наго или душевнаго ихъ склада вытекаютъ ихъ исторія. Мы изучимъ степень устойчивости и измѣнимости расовыхъ признаковъ. Мы постараемся также раскрыть, стремятся-ли индивидуумы и народы ко всеобщему равенству или, наоборотъ, проявляютъ склонность ко все большому и большому обособленію и различіямъ. Затѣмъ мы займемся изученіемъ вопроса, не являются-ли тѣ элементы, изъ которыхъ развивается цивилизація, какъ, напр., искусства, учрежденія, вѣрованія и пр., непосредственнымъ выраженіемъ самаго духовнаго склада этихъ расъ, почему они и не могутъ передаваться отъ одного народа къ другому. Наконецъ, заканчивая нашъ трудъ, мы постараемся опредѣлить, подъ вліяніемъ какихъ необходимостей цивилизаціи меркнуть, а затѣмъ уга-

саютъ. Вотъ тѣ задачи, которыя мы долго обсуждали въ различныхъ нашихъ трудахъ, касающихся цивилизацій Востока. Настоящій нашъ скромный трудъ является лишь синтезомъ предыдущихъ работъ.

Послѣ продолжительныхъ поѣздокъ моихъ въ различныя страны самымъ очевиднымъ для меня было то, что каждый народъ обладаетъ настолько же устойчивымъ складомъ ума, насколько прочны его анатомическіе признаки, откуда и происходятъ его чувства, мысли, учрежденія, вѣрованія и искусства. Токвиль и другіе знаменитые мыслители думали, что причину эволюціи народовъ нужно искать въ ихъ учрежденіяхъ. Я же убѣжденъ, что наоборотъ,—и надѣюсь доказать, это, обращаясь за примѣрами именно къ тѣмъ странамъ, которыя изучалъ Токвиль,—что учрежденія для эволюціи цивилизацій имѣютъ крайне слабое значеніе. Учрежденія чаще являются послѣдствіями и лишь весьма рѣдко причинами эволюціи.

Несомнѣнно, что исторія народовъ опредѣляется самыми разнообразными факторами. Она полна такихъ частныхъ и событий, которыя были и могли бы не быть. Но наряду съ такими случайностями, съ временными условіями происходящихъ событій существуютъ постоянныя великіе законы, управляющіе общимъ ходомъ каждой цивилизаціи. Изъ этихъ постоянныхъ законовъ законы самыя общіе и самыя неизмѣнныя вытекаютъ изъ умственного склада расъ.

Жизнь народа, его учрежденія, его вѣрованія, его искусства являются лишь видимой канвой его невидимой души. Чтобы народъ преобразовалъ свои учрежденія, свои вѣрованія, свои искусства, онъ долженъ прежде всего преобразовать свою душу. Чтобы онъ могъ оставить въ послѣдство другому народу свою цивилизацію, нужно, чтобы онъ завіцѣпалъ ему и свою душу. Не то, конечно, говоритъ наша исторія, но намъ не трудно будетъ показать, что, занося въ свои лѣтописи противоположныя взгляды, она поддавалась обману пустыхъ призраковъ.

Реформаторы, послѣдовательно появлявшіеся въ теченіе столѣтій, пытались измѣнить по-своему все—и боговъ, и почву,

и людей. Но до сихъ поръ, однако, они не могли оказать ни малѣйшаго вліянія на созданныя вѣками свойства души расъ и племенъ, которыя укрѣпило въ нихъ время.

Понятіе о неизмѣнныхъ различіяхъ, которыя обособляютъ живыя существа, вполне противорѣчитъ идеалъ современныхъ социалистовъ. Отказаться отъ своихъ химеръ апостоловъ новаго ученія не заставляютъ, конечно, и доводы науки. Попытки ихъ представляютъ новую фазу вѣчнаго крестоваго похода человѣчества, стремящагося къ завоеванію счастья, этого сокровища Гесперидъ, котораго добивались народы со временъ зарожденія исторіи. Мечты о всеобщемъ равенствѣ, быть можетъ, были бы не менѣе дороги, чѣмъ тѣ старыя иллюзіи, которыя нами нѣкогда руководили, если бы мечты эти не разбились о неприступную скалу естественныхъ природныхъ неравенствъ. Подобно старости и смерти, такія природныя неравенства составляютъ извѣстную долю тѣхъ несправедливостей, которыхъ такъ много въ природѣ и которыхъ волей неволей человѣкъ долженъ подчиняться.

Книга первая.

Психологическіе признаки расъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Душа расъ.

Натуралисты основываютъ свою классификацію видовъ на опредѣленіи извѣстныхъ анатомическихъ признаковъ, воспронизводящихся съ правильностью и постоянствомъ путемъ наследственности. Теперь мы знаемъ, что эти признаки преобразовываются посредствомъ наследственнаго накопленія незамѣтныхъ измѣненій, но если принимать въ соображеніе только короткую продолжительность временъ историческихъ, то можно подумать, что существующіе виды неизмѣняемы.

Въ примѣненіи къ человѣку методы классификаціи натуралистовъ дали возможность установить опредѣленное число вполне рѣзко очерченныхъ типовъ.

Основываясь на такихъ рѣзкихъ анатомическихъ признакахъ, какъ цвѣтъ кожи, форма и смкость черепа и пр., оказалось возможнымъ установить, что родъ человѣческой содержитъ въ себѣ много видовъ, ясно отличаемыхъ и вѣроятно весьма различнаго происхожденія. Для ученыхъ, почтительно относящихся къ религіознымъ традиціямъ, такіе виды являются просто расами. Но, какъ было высказано когда-то и

исполнѣ основательно, что „если бы негръ и кавказецъ были улитками, то всѣ зоологи единодушно подтвердили бы, что они составляютъ настоящіе виды, такъ какъ никакимъ образомъ не могли бы возникнуть отъ одной пары, отъ которой они со временемъ постепенно отклонились путемъ преобразования существующихъ у нихъ признаковъ“.

Эти анатомическіе признаки, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, какіе можетъ обнять нашъ анализъ, даютъ возможность устанавливать лишь подраздѣленіе общихъ, крайне поверхностныхъ. Ихъ уклоненія обнаруживаются лишь у человѣческихъ видовъ рѣзко очерченныхъ, напр., у бѣлыхъ, негровъ и желтыхъ. Но народы, очень похожіе по своей физической вышности, могутъ въ высшей степени отличаться между собою своими пріемами въ выраженіи чувствъ и дѣйствій, а, слѣдовательно особенностями своей цивилизаціи, своихъ вѣрованій и искусства. Возможно-ли, напр., совмѣстить въ одну группу испанца, англичанина и араба? Разнѣ существующія между ними психическія различія не бросаются всѣмъ въ глаза и не прочтываются на каждой страницѣ ихъ исторій?

За недостаткомъ анатомическихъ признаковъ, ученые хотѣли при классификаціи народовъ основываться на разнообразныхъ элементахъ, напр., такихъ какъ языкъ, вѣрованія, политическія учрежденія и пр. Но подобная классификація уже совсѣмъ не поддается точной оцѣнкѣ.

Тѣ элементы классификаціи, какихъ намъ не могутъ дать ни анатомія, ни языкъ, ни среда, ни политическія условія, даетъ намъ психологія. Она показываетъ, что за учрежденіями, искусствами, вѣрованіями и политическими реформами каждаго народа существуютъ еще опредѣленные умственные и нравственные, т.-е. вообще психическіе признаки, изъ которыхъ и вытекаетъ эволюція даннаго народа. Эти признаки и будутъ именно тѣми признаками, совокупность которыхъ объясняетъ то, что можно назвать душою расы.

Каждая раса обладаетъ столь же устойчивымъ психическимъ строеніемъ, сколь устойчиво ея анатомическіе строенія. Что первое находится въ связи съ особенностями строенія

мозга, это не можетъ казаться сомнительнымъ, но такъ какъ наука еще не настолько подвинулась, чтобы ясно обнаружитъ намъ эти особенности строенія, то мы и не можемъ приять его въ основу классификаціи. Да, наконецъ, даже и знаніе подобнаго факта ничего бы намъ не выяснило и не внесло бы въ описаніе вытекающей изъ него психической конституціи ничего такого, что вообще можетъ измѣнить результатъ простаго наблюденія.

Нравственные и интеллектуальные признаки, ассоціація которыхъ образуетъ душу народа, представляютъ синтезъ (обобщеніе) его прошлаго, наслѣдство его предковъ, мотивы, управляющіе его поступками, эти признаки, повидимому, весьма измѣнчивы у индивидуумовъ одной и той же расы, но наблюденіе доказываетъ, что большинство индивидуумовъ данной расы обладаетъ всегда извѣстнымъ числомъ общихъ психологическихъ признаковъ столь же устойчивыхъ, какъ и признаки анатомическіе, дающіе возможность классифицировать виды. Подобно этимъ послѣднимъ, психологическіе признаки воспроизводятся путемъ наслѣдственности съ той же правильностью и постоянствомъ.

Такая совокупность, такой агрегатъ психологическихъ признаковъ, доступный наблюденію у всѣхъ индивидуумовъ одной расы, составляетъ то, что справедливо называютъ національнымъ характеромъ. Совокупность такихъ признаковъ образуетъ средній типъ, дающій возможность опредѣлить народъ. Тысячи французовъ, тысячи англичанъ, китайцевъ, взятые наудачу, отличаются значительно между собою, но тѣмъ не менѣе, благодаря наслѣдственности своей расы, они обладаютъ и такими общими признаками, на основаніи которыхъ является возможность построить идеальный типъ француза, англичанина и китайца, вполне аналогичный тому идеальному типу, какой намъ дастъ натуралистъ, описывающій въ общихъ чертахъ собаку или лошадь. Примѣнимое къ различнымъ разновидностямъ собакъ и лошадей, такое описаніе можетъ включить въ себя лишь признаки общіе всѣмъ, но ничуть не тѣ, по-

средствомъ которыхъ можно было бы отличить ихъ многочисленныя породы.

Если только раса достаточно стариннаго происхожденія, а слѣдовательно достаточно однородна, то средній типъ ея можетъ быть довольно ясно установленъ и быстро запечатлѣвается въ умѣ наблюдателя.

Попадая къ чуждому намъ народу, мы находимъ, что единственными признаками, какіе намъ прежде всего бросаются въ глаза, послѣдствіе того, что они одни постоянно повторяются, являются именно такіе признаки, которые общи всѣмъ жителямъ посѣщаемой нами страны. Индивидуальныя же различія, повторяясь рѣдко, конечно сначала, ускользаютъ отъ насъ. Но вскорѣ мы научаемся различать съ перваго взгляда не только англичанина, испанца или итальянца, но научаемся даже различать въ нихъ извѣстныя отбѣнки моральныя и интеллектуальныя, которые именно и являются тѣми основными психологическими признаками, о коихъ говорилось выше. Англичанинъ, гасконецъ, нормандецъ и фламандецъ соотвѣтствуютъ типами, вполне опредѣлившимся у насъ въ умѣ, и такіе типы намъ не трудно описать. Въ примѣненіи же къ отдѣльному индивидууму такое описаніе можетъ оказаться весьма недостаточнымъ, а въ примѣненіи къ большому числу индивидуумовъ одной изъ упомянутыхъ нами расъ, оно обрисуетъ его вполне ясно. Та бессознательная работа, которая устанавливается въ нашемъ умѣ съ цѣлью опредѣленія физическаго и психическаго типа народа, вполне тождественна по своей сущности методу, позволяющему натуралисту классифицировать виды.

Эта тождественность умственнаго склада большинства индивидуумовъ одной расы имѣетъ свои весьма простыя физиологическія причины. Въ самомъ дѣлѣ, каждый индивидуумъ представляетъ продуктъ не только своихъ непосредственныхъ производителей (отца и матери), но еще и продуктъ своей расы, т.-е. цѣлаго ряда своихъ родичей по восходящей линіи. Одинъ ученый экономистъ Шейсонъ вычислялъ, что во Франціи, считая по три поколѣнія на столѣтіе, каждый французъ